

Евгений МЯКИШЕВ. Живет в Санкт-Петербурге (Россия).

След на стекле

Проходные дворы, где мой август гуляет, как гость,
Запечатаны плотно осенней сургучной печатью.
Кто, ее надломив, грусть обломков возьмёт в свою горсть,
Испугавшись порезаться, но все равно без перчаток,

Тот увидит опущенный каменный занавес стен,
Вертикальные проруби перевернувшихся окон.
И везде – сколь хватает глаз – кто-нибудь прячется в тень,
Ну а кто-то, напротив, настырный торчит перед оком.

Трехэтажная улица. Влажный кирпичный подъезд.
Злой купеческий дворник любит бляхою медной,
Он скрипит ввечеру сапогами... и фартук отменный,
Развеваемый ветром, как плащ, долетает до звезд.

В этом доме – еще до Гражданской и позже, конечно,
Жили разные люди – дела свои скорбно вели:
Осуждали погоды, в чулки набивали рубли...
Время медленно шло. Жизнь, напротив, была скоротечна.

Каждый сам по себе, притаившись в хоромах, как мышь
Неприметный, молчал, только дворник стучал колотушкой,
Да на скате свинцовом упругою узкой вертушкой
Флюгер точно указывал время над пашнями крыш.

Так струились года – к чердаку от подвала – вдоль стен.
Постепенно выросли одни обитатели дома,
Умирали – другие. Доподлинно мне незнакома
Плоть истории этой, известна лишь узкая тень.

К середине тридцатых частично сей дом опустел,
И, пожалуй, неважно – куда его жители делись.
Дворник так же стучал и ворота без четверти десять
Запирал на засов – без алтына впускать не хотел.

И во время войны не обрушились бомбы – был дом
Округлён тишиной, а газетные полосы окон
Только ветер читал. Развернувшись во времени боком,
Дом струился сквозь город, а город струился сквозь дым.

Город, став тыловым, осторожно вздохнул в полный рост.
Трехэтажная улица наполнилась песни обрывком –
То в окне появился и, свесившись как над обрывом,
Над подтаявшим городом дворник разинул свой рот.

[Визитка автора](#)